

В августе уже темнеет рано. Было необыкновенно тепло для конца лета. Звёздное небо, обилие зелени в свете фонарей, стрекот сверчков, многолюдие на улице — всё это напоминало южную ночь.

Воспоминания о южной ночи с её непосредственным антуражем здесь и сейчас настроило на лирический лад: стало как-то благостно, беззаботно, не хотелось никуда спешить, а хотелось просто жить, жадно жить — дышать, смотреть на звёзды, радоваться непонятно чему.

А я и не торопился, специально решил ехать на последней электричке — был в гостях у брата в соседнем городке. Так я шёл вразвалочку, бежевая ветровка перекинута через плечо, в руке пакет, в котором бутылка минералки и книга. На душе была необыкновенная лёгкость, такая, что захотелось закурить. Но курить я бросил полгода назад, когда познакомился со стенокардией. Врач сказал: «Хочешь жить — бросай курить, не хочешь — кури сколько влезет. И с алкоголем поосторожнее». И чувствовалось, что врач, человек примерно моего возраста, то есть чуть за пятьдесят, про курение говорил решительно и жёстко, а про алкоголь как-то с сожалением. Из чего я понял, что сам он давно не курит, а выпить когда-нибудь себе позволяет. Такую же позицию занял и я. Жить хотелось — поэтому курить бросил. Да, впрочем, и выпивать-то стал совсем редко и совсем понемножку. А как бывало... И мне показалось, что жена

даже немного рада, что у меня сердечко прихватило. А что? Мужик не пьёт, не курит, зарабатывает. Женское счастье.

От избытка чувств и от воспоминаний о сердце я запел вслух.

— Сердце, тебе не хочется покоя, — пропел излишне громко, с удовольствием вслушиваясь в свой баритон. Я так думаю, что у меня непременно баритон.

Шедшие навстречу две женщины засмеялись, я улыбнулся им в ответ и подмигнул. Хорошенькие такие, с фигурками. Я обернулся им вслед и с прищипыванием покачал головой, как это умеют делать южные люди.

«Эх, закрутить бы с кем-нибудь», — подумал я, и тут же усмехнулся своей мысли. Во-первых, «закрутить» мне не позволит жена, она обязательно об этом догадается. Во-вторых, возраст. В-третьих, сердце... Ладно уж.

Зашёл в вагон электрички минут за десять до отправления. В вагоне пассажиров немного, человек пятнадцать. Сел так, чтобы рядом не было никого, недалеко от тамбура. Через проход по диагонали лицом ко мне сидел мужчина, по виду чуть постарше меня. Судя по его выцветшей бейсболке, вороту клетчатой рубашки, выглядывающему из-под сине-красной олимпийки, я понял, что человек возвращается с дачи. Прямо передо мной расположилась пара средних лет; у него был аккуратно стриженный затылок и джинсовая куртка, у неё — приятное строгое лицо, такие лица бывают у терапевтов и преподавателей вузов.

Поезд тронулся, ревизор проверила билеты. Я достал книгу, достал осторожно, чтобы никто из пассажиров не увидел название и не заподозрил бы меня в легкомыслии. Я уже неделю с упоением читал «Бандитский Петербург» А. Константинова. После того как я не справился с Кафкой и Джеймсом Джойсом, похождения питерских бандитов были для меня просто песней. Так мы и ехали. Дачник дремал, пара средних лет о чём-то негромко разговаривала, я читал. Периодически за окном показывались освещённые платформы пригородных посёлков, поезд останавливался, но в вагон никто не входил.

После очередной остановки набрали ход, в открытое окно врывался прохладный поток ночного воздуха. Вдруг — резкое торможение, продолжительный звук сигнала. Остановились. Стало тихо, потом — хлопанье вагонных дверей, топот ног. Я обернулся, по вагону бежал машинист. Стало ясно: что-то случилось. Я встал, выглянул в открытое окно, там темень. Какое-то время спустя в нашем тамбуре слышались тревожные голоса, какая-то возня. Я вышел в тамбур. Машинист с помощником затаскивали в вагон человека, я вызвался помочь. Будучи человеком опытным, я сразу понял: человек попал под поезд, и шансов у него почти нет.

— Здесь насыпь высокая, я ему сигналил, а он не захотел, видать, спускаться, думал — не заденет, — оправдывался машинист, молодой парень, года тридцать два — тридцать три; было видно, что он растерян и обескуражен.

— Осторожно, осторожно. Клади, — я взял руководство на себя. — Под голову надо что-то.

— А вот сумка его, — машинист передал мне потрёпанную сумку из чёрного текстиля.

Я повернулся к машинисту.

— Скорую вызывай и жми на всю катушку — может, успеем довести. А мы тут присмотрим, — сказал я.

«Мы» — это я, дачник и мужчина в джинсовом костюме с аккуратной причёской. Они как-то незаметно оказались рядом, и этим словом «мы» я некоторым образом обязал их присутствовать рядом с пострадавшим.

Электричка тронулась, я присел и склонился над пострадавшим и проверил пульс. На левой кисти, в треугольнике между большим и указательным пальцами, была корявая татуировка «Витя и Таня» — скорей всего, он сделал её себе сам, наверное, совсем юным.

— Дружище, ну ты как? — обратился я к пострадавшему. — Ничего, ничего, потерпи, сейчас в больницу тебя определим. Терпи, Витя.

Витя смотрел куда-то в сторону отрешённым взглядом мутно-голубых глаз.

Я понимал, что травмы, которые он получил, несовместимы с жизнью и с минуты на минуту он умрёт. Думаю, понимали это и мои попутчики — дачник и джинсовый человек с аккуратным затылком. Я осмотрел умирающего внимательнее. Лет сорок пять; очевидно, пьющий. Худой, с редкой щетиной на впалых щеках. Видавший виды пиджак неопределённого цвета, грязный ворот рубашки подтверждали моё предположение.

Я выпрямился, мои попутчики чувствовали себя неловко. «Аккуратный затылок» уже дважды сходил в вагон — объяснял жене необходимость своего присутствия рядом с пострадавшим; казалось, что она недовольна. Дачнику хотелось просто уйти, но он не уходил, связанный тем обязательством, которое я наложил на него своим «мы тут присмотрим». Мне было не по себе от такой разительной перемены обстоятельств. Ещё совсем недавно я пребывал в абсолютно благодушном настроении, радуясь жизни и наслаждаясь ею, и вдруг совсем рядом — смерть. Умирающий человек, которому я не в силах помочь и не могу оставить его умирать одного в тёмном тамбуре последней электрички. Вероятно, такие же мысли были и у моих попутчиков. Я всматривался в черты его лица, мне казалось, что я его знал или где-то встречал, но никак не мог вспомнить. Я многих знал в этих пригородных посёлках. Кто же ты, Витя? Незадачливый путник, жизнь не сложилась — это ясно. И так печально закончилась. А спустись с насыпи на метр ниже — и, глядишь шёл бы сейчас дальше себе по шпалам. А может, не захотел спускаться? Как же ты прожил свою жизнь, Витя? Где сейчас твоя Таня? Наверняка и дети есть...

Так мы и стояли ещё минут десять, пока не прибыли на станцию. Скорая уже ждала, умирающего быстро загрузили в карету, и автомобиль, включив сирену, умчался.

Я посмотрел на часы — полдесятого. Аккуратно постриженный человек с супругой быстро ушли, мы с Дачником какое-то время постояли молча, затем я предложил:

— Здесь забегаловка одна есть, — я показал направление. — Пойдём по сто грамм выпьем, как-то нехорошо на душе.

Дачник замялся, тогда я сказал, что выпивка за мой счёт, и Дачник согласился. Зашли в кафе. За барной стойкой очень уставшая женщина, лет тридцати пяти. Она сразу же заявила, что через десять минут они закрываются. Я заказал два по сто водки, два бутерброда с копчёной колбасой и сок. Водка была холодной.

— Хорошо пошла, — усмехнулся я, — и это настораживает. Ещё?

— Нет, нет, — Дачник испуганно замахал рукой, вставая из-за стола, — мне уже пора, спасибо.

Вся эта торопливость и напуганность выдавала в нём подкаблучника. Я скривил лицо в презрительной гримасе, глядя ему вслед.

— Налей, сестрица, ещё, да я пойду, — обратился я к женщине за барной стойкой.

Выпив вторую рюмку, не отходя от стойки, я запил соком, рассчитался банковской картой и, подмигнув барменше, вышел.

До дома — минут пятнадцать неспешным шагом по аллее вдоль оживлённой дороги. Эти пятнадцать минут я шёл и думал о жизни и о смерти, о том, какая тонкая между ними грань. Вот ты идёшь вполне довольный жизнью, вдруг отрывается внутри сосуда тромб, простреливает в лёгочную артерию, и ты уже лежишь посреди этой уютной аллеи, а мимо несутся машины, и два-три случайных прохожих осторожно обойдут тебя, думая, что ты пьян... И уже совсем поздней ночью жена, обеспокоенная твоим отсутствием и тем, что ты не отвечаешь на звонки, ведомая каким-то страшным предчувствием, пойдёт навстречу тебе и увидит тебя ещё издали... Нет-нет, дальше не буду фантазировать. Жить! Жить! И только жить!